

УДК 398.8 (=512.156)

Е. Л. Тирон

Институт филологии СО РАН

Роль песенной традиции тувинцев-тоджинцев в сохранении культурной идентичности этнической общности¹

В статье охарактеризована роль песенной традиции в сохранении культурной идентичности тувинцев-тоджинцев – одного из коренных малочисленных этносов Сибири. Цель данного исследования – выявление локальной специфики тоджинских песен, степеней сохранности и поглощения тоджинской песенной традиции тувинской песенной традицией. Актуальность научной проблемы обусловлена тенденцией угасания культурной идентичности малочисленных народов Российской Федерации, в том числе проживающих на территории Сибири тувинцев-тоджинцев. Материалом для исследования являются образцы двух основных жанров *ыр* и *кожамык* песенной традиции тувинцев-тоджинцев, зафиксированные в 1970–1990-е гг.

Ключевые слова: песенный фольклор, песенная традиция, народные песни, культурная идентичность, Тува, тувинцы, Тоджа, тувинцы-тоджинцы, коренной малочисленные народы Сибири, фольклористика, этномузыковедение.

Тувинцы-тоджинцы относятся к малочисленным народам Сибири. Их численность составляет около 5000 человек. Культуры подобных тоджинскому малочисленных народов испытывают серьёзное давление более крупных культур, их культуры находятся в неравном положении, когда более крупная традиция доминирует над более мелкими. Нивелируются культурные различия этносов, исчезают языки малочисленных народов. В итоге мировое культурное разнообразие постепенно уменьшается.

Тувинцы-тоджинцы, с одной стороны, в официальных документах определяются как малочисленный народ. В 2000 г. Постановлением Правительства РФ они включены в перечень малочисленных народов России как отдельное этническое сообщество, следующее традиционному образу жизни. С другой стороны, антропологи рассматривают их как этническую группу тувинцев, имеющую отличный от тувинцев этногенез, антропологический тип, хозяйственно-культурный тип и языковой диалект [Тюркские народы ..., 2008].

В данной статье рассмотрим тоджинскую песенную традицию, сравним её с тувинской, выделяя общие и специфические черты. Цель данного исследования – выявить локальную специфику тоджин-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона»; руководитель Н. Н. Федина).

Тирон Екатерина Леонидовна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. ак. Николаева, д. 8, к. 206, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: krupich_katja@mail.ru; тел.: 8-(383)-330-14-52.

ских песен, которая позволит определить этническое ядро песенной традиции тоджинцев и степень её сохранности и поглощения тувинской песенной традицией. Актуальность научной проблемы обусловлена тенденцией угасания культурной идентичности малочисленных народов РФ, в том числе проживающих на территории Сибири тувинцев-тоджинцев.

Материалом для исследования служат аудиообразцы песенной традиции тувинцев-тоджинцев, записанные в 1997 и 1999 гг. в музыкально-этнографических экспедициях, проведённых под руководством Г.Б. Сыченко, а также аудиозаписи песен тувинцев-тоджинцев, сделанные в 1970-е гг. и хранящиеся в Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований [Тирон, 2017а].

Двумя основными терминами, закрепленными за песенными жанрами тувинцев-тоджинцев, являются *ыр* и *кожамык*. Для тувинских песен основными также являются данные жанры [Аксёнов, 1964; Кыргыз, 1992]. Ранее нами было проведено исследование, направленное на выявление различий указанных жанров на всех уровнях организации поэтического текста и напева [Тирон, 2015а]. Остановимся более подробно на тех моментах, которые позволят определить специфику тоджинских песен и их отличие от тувинских песен.

Отметим, что границы жанров *ыр* и *кожамык* в живой исполнительской традиции иногда размываются. Так, в тоджинской коллекции имеются образцы, названные исполнителем как *кожамык*, но относящиеся к *ыр*, и наоборот. Так, например, А.Д. Кол определила термином *кожамык* авторскую свадебную песню и *ыр* «Тоора-Хем». По нашему мнению, в этих случаях налицо присутствие терминологическая ошибка исполнителя. При рассмотрении же случаев, когда песня названа *ыр*, но по музыкальной стилистике она ближе к жанру *кожамык*, требуется более внимательное отношение исследователя. Дело в том, что при исполнении *кожамык* используются типовые напевы, на которые накладываются различные тексты [Тирон, 2015в]. Если тексты приурочены к свадьбе, песня может быть определена как *куда ыры*. Такие песни были записаны от Н.Т. Кол в 1997 г.².

Кроме того, в коллекциях конца XX в. имеется 14 образцов, определенных как *ыр* и исполненных на типовые напевы. Шесть из них в действительности являются *кожамык*. В оставшихся восьми образцах есть некоторые общие моменты, на которые стоит обратить внимание. Касаются они, в основном, вербального уровня песен. Как правило, на содержательном уровне это песни о родной земле. В основе поэтических текстов могут использоваться устойчивые тексты тувинских народных песен *ыр* («Самагалтай», «Тооругтук-Тайга»), при этом названия местностей заменяются на тоджинские Тоора-Хем, Азас и др.³.

Исполнитель может указывать на самодеятельного автора песни: «слова сочинил один мужчина – пастух. Пел, когда собирал оленей»⁴; «слова сочинила Бараан Биикей Кескиевна, готовили песню для концерта»⁵. Выходит, что в рассмотренных случаях термин *ыр* в представлениях носителей традиции связывается, во-первых, с песнями о родной земле, во-вторых – с категорией авторства.

Рассмотрим местные тоджинские песни, относящиеся к жанру *ыр*. Статус жанра *ыр* в традиции довольно высок. Песни имеют объединяющее этнос значение. Тоджинцы признаются, что *ыр* – это «общие песни, которые все знали». *Ыр* может быть спета любым носителем традиции, ограничений по половому признаку, по возрасту не наблюдается. При исполнении песен господствует установка на воспроизведение известных тоджинцам текста и напева.

Традиционное исполнение *ыр* – сольное. В последнее время в самодеятельной среде стала появляться практика ансамблевого исполнения, которая ранее отсутствовала. Отметим, что при таком исполнении певцы ориентируются на одну мелодию. Пение песен у тувинцев-тоджинцев не имеет сопровождающих танцевальных и иных движений, а также не подразумевает инструментальной поддержки. Хотя имеются образцы, исполненные в сопровождении музыкальных инструментов, а также инструментальное исполнение песенных мелодий.

Ыр является жанром неприуроченным и может исполняться в любом месте. Существуют лишь некоторые запреты, касающиеся пения в некоторых сакральных зонах (например, на перевале), а также пения во время похорон и поминальных обрядов [Крупич, 2004].

Собственно тоджинские *ыр* не так многочисленны, кроме того, существует пласт тувинских песен. Выделяются всего четыре песни данного жанра, которые в народе считают местными: это «Одуген-Тайга», «Тоора-Хем» («Чекпелиг»), «Тожсама» и «Чашты-Хем». Наличие в репертуаре тоджинцев

² Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки (АТМ НГК), коллекция А129, № 182 и 183.

³ АТМ НГК, коллекция А 129, №№ 25, 178, 181, исполнитель Н.Т. Кол.

⁴ АТМ НГК, коллекция А 141, № 12, исполнитель Т.Б. Байыржап.

⁵ АТМ НГК, коллекция А 141, № 49, исполнитель Б.Э. Кол.

местных песен и составляет локальную специфику традиции. Аналогичная ситуация выявляется и в других локальных традициях тувинцев, где содержится пласт местных песен. Например, у бай-тайгинских тувинцев местными являются *ыры* «Бай-Тайга», «Кара-Холь» и «Сарыг-Хая» [Тирон, 2017а].

Основным содержанием поэтических текстов *ыр* является тема малой родины, воспевание образа родной земли: священной высокогорной тайги Одуген, долин реки Бий-Хем (Большого Енисея) Тоора-Хема и Чашпы-Хема, Тожамы (Тоджи). Топонимы Тоджинского района использованы в названиях тоджинских песен, тем самым подчёркивая главный образ песен.

Отметим довольно высокую степень устойчивости вербального и музыкального компонентов в жанре *ыр*. Тексты могут быть полными или усечёнными, иногда могут досочиняться новые строфы.

Важную роль в строфовой композиции стиха выполняет начальная рифма, объединяющая четыре строки строфы или строки попарно. Поэтический текст основан на 8-сложном силлабическом стихе структуры 4+4 [Тирон, 2013]. Кроме того, встречаются расширенные по слоговому составу 9–12-сложные строки. В 9- и 10-сложных строках пятый элемент, как правило, появляется в начальном сегменте (5+4 и 6+4). Увеличение количества слогов происходит за счет вставных первообразных частиц *-ла / -ле / -на / -не / -даа*, появляющихся между двусложными словами, или в конце сегмента, либо за счет появления пятисложных слов или комбинации трехсложного и двусложного слов. 11- и 12-сложные строки получаются при текстовом повторе второго сегмента, появляющегося в конце строфы или полустрофы, что может свидетельствовать о более позднем возникновении подобных структур, связанном, вероятно, с влиянием сценических форм существования музыкального фольклора.

При совмещении поэтического и музыкального компонента обнаруживается, что удлинённые 9- и 10-сложные строки в пении выравниваются по времени, т. е. для песен характерна изотемпоральность строк. Происходит это за счет дробления музыкального времени, редуцирования звуков или стяжения гласных.

Строфа *ыр* состоит из идентичных по ритмике строк. Слогоритмические типы строк индивидуальны для каждой из песен:

«Одуген-Тайга»	
«Тоора-Хем»	
«Чашпы-Хем»	
«Тожамы»	

Мелодический контур песни экспонируется на уровне полустрофы, и только в *ыр* «Тоора-Хем» он охватывает всю строфу. Отметим, что в поэтическом тексте парность обычно проявляется на уровне парных строф, т. е. не совпадает с мелодической повторностью. Мелодика песен основывается на попевах, количество которых в песне не превышает трех. В попевках главным образом используется поступенное движение, но встречаются и большие интервалы, может охватываться широкий диапазон (иногда даже весь звукоряд).

Звукоряды песен *ыр* основаны на ангемитонной пентатонике и включают 6–7 ступеней. Главными опорами лада являются две ступени: *G* и *D*, образуя I и IV лады пентатоники. По этому параметру выделяются две группы песен. К группе *G* относятся песни «Чашпы-Хем» и «Тожамы» (*d e G a h d²* и *e G a h d² e²*), к группе *D* – «Одуген-Тайга» и «Тоора-Хем» (*D e g a h d² e²* и *h D e g a h d²*).

Таким образом, каждая песня исполняется на свой напев, индивидуализированный в ритмическом и интонационном плане. Многочисленные вариантные исполнения каждой песни отличаются лишь степенью распетости, слогоритмическая и ладовая основы воспроизводятся довольно точно как в синхронном, так и в диахронном срезе [Тирон, 2014].

Особое отношение тоджинцев к песням *ыр* проявляется и в манере пения, предполагающей медленный (три песни: 80 – 90 ударов в минуту) или умеренный темп исполнения (150 в *ыр* «Тожамы»). Исполнители поют протяжно, на большом дыхании (по их словам, «длинно»), открытым и громким голосом. Внимание к звуку как таковому проявляется в большом количестве распевов длинных и коротких звуков. Наиболее насыщены распевами песни «Чашпы-Хем» и «Одуген-Тайга», в каждой строке которых не распеваются только 1-2 слогоноты. Кроме того, исполнение песен предполагает большое количество мелизматике: вибрато звука, глиссандо, форшлаги; обилие огласовок.

Итак, локальная специфика тоджинских песен жанра *ыр* наиболее ярко проявляется в образе малой родины, воспеваемом в поэтических текстах. Особое место среди песен данного жанра занимает

песня «Одуген-Тайга», которая «является для тоджинцев не только малой родиной, но и сакральным центром, объединяющим весь этнос» [Тирон, 2014, с. 161]. Это своеобразный гимн родной земле, играющий важную консолидирующую роль для данной этнической группы. Кроме того, именно в этой песне главным действующим лицом, от лица которого ведется повествование, является оленевод-охотник. Именно занятие оленеводством составляет основное отличие тувинцев-тоджинцев от тувинцев степной местности, где невозможно занятие данной хозяйственной деятельностью.

Кроме того, локальная специфика проявляется в наличии четырёх местных напевов, которые исполняются только с устойчивыми текстами, характерными для данных песен. Каждый напев индивидуализирован в интонационно-мелодическом и слогоритмическом отношении.

Рассмотрим с точки зрения локальной специфики другой песенный жанр тувинцев-тоджинцев – *кожамык*. Особенностью жанра является то, что поэтические тексты (по преимуществу) импровизируются на один из типовых напевов непосредственно в ходе исполнения [Тирон, 2015в].

Мастерством импровизации в той или иной степени владеют практически все носители традиции, *кожамык* может исполнить каждый человек, вне зависимости от возраста или пола. Главными мастерами жанра в настоящее время являются люди среднего и старшего возраста (обычно женщины), хотя ограничений по возрасту и полу исполнителей не наблюдается.

Мужчины исполняют *кожамык* громким, открытым голосом. Женская манера пения *кожамык* отличается более тихим, скромным звучанием. Возможно, что на неё влияет нетипичная ситуация исполнения фольклорных образцов в процессе собирательской работы (посторонние, незнакомые люди; присутствие аппаратуры и т. п.). К особым исполнительским приемам отнесем специфические для тоджинцев мелизмы – опевания перед звуком, форшлагги к нотам (особенно у мужчин), обилие огласовок.

Традиционно *кожамык* поётся либо сольно, либо в диалогическом ансамбле. В последнее время практикуется самодеятельное ансамблевое исполнение, ориентированное на одноголосное пение. Исполнение *кожамык* не предполагает инструментального сопровождения, использования танцевальных или иных движений. В традиционном диалогическом ансамбле может принять участие любой присутствующий. Диалог обычно выстраивается по половому (например, между девушкой и парнем) или по родовому признаку. Отношение к исполнителям со стороны слушателей очень заинтересованное, непосредственная реакция слушателей на исполнение *кожамык* всегда очень живая. Каждый из слушателей в любой момент может включиться в ансамбль.

В нашей коллекции на материале 100 песенных образцов *кожамык* выявлено 33 типовых напева. Многие из них записаны в единичном варианте, однако по структуре и функционированию в традиции они могут быть отнесены к типовым напевам. Весь выявленный круг напевов тоджинских *кожамык* исполняется на один из пяти слогоритмических типов строк *кожамык* (см. таблицу 1). Наиболее распространены первый и третий слогоритмические типы, реже встречаются второй и пятый. Четвертый слогоритмический тип характерен только для одного напева.

Таблица 1

Слогоритмические типы *кожамык*⁶

Слогоритмический тип / Финалис	D	E	G	A	Итого
1СРТ ♪♪♪:♪♪♪		1.E.01 (2) 1.E.02 (2)	1.G.01 (19) 1.G.02 (2) 1.G.03 (3) 1.G.04 (1) 1.G.05 (3)	1.A.01 (2)	8 напевов (34)
2СРТ ♪♪♪:♪♪♪		2.E.01 (6) 2.E.02 (2)	2.G.01 (3) 2.G.02 (2) 2.G.03 (1)		5 напевов (14)
3СРТ ♪♪♪:♪♪♪	3.D.01 (1)	3.E.01 (4) 3.E.02 (2) 3.E.03 (9) 3.E.04 (1) 3.E.05 (1) 3.E.06 (2)	3.G.01 (5) 3.G.02 (1) 3.G.03 (2)		13 напевов (35)

⁶ Для удобства распределения напевов и дальнейшей работы с ними мы присвоили каждому из них индекс, на первом месте которого указан номер слогоритмического типа, на втором месте – финальный тон напева, на третьем – порядковый номер типового напева. Такая система помогает проводить сравнительные исследования нескольких локальных традиций между собой.

		3.E.07 (1) 3.E.08 (5) 3.E.09 (1)			
4СРТ ♪♪♪♪ : ♪♪♪♪		4.E.01 (8)			1 напев (8)
5СРТ ♪♪♪♪ : ♪♪♪♪		5.E.01 (3) 5.E.02 (1) 5.E.03 (1)	5.G.01 (1) 5.G.02 (2) 5.G.03 (1)		6 напевов (9)
Итого	1 напев (1)	17 напевов (51)	14 напевов (46)	1 напев (2)	33 напева (100 образцов)

Типизация напева *кожамык* проявляется на уровне поэтической строфы, хотя мелодическая формульность заметна и на уровне попевок (полустрок). Звуковысотная система тоджинских *кожамык* ориентирована на ангемитонную пентатонику, но в ней присутствует лад с тритоновым включением («дорийская пентатоника» по А.Н. Аксёнову [1964]). Это свидетельствует о неустоявшемся характере ладозвукорядной системы тоджинских *кожамык*. Звукоряд песни обычно включает 5–7 ступеней, однако выделяется обязательный для звукоряда тетрахорд *e g a h*. В качестве финальных ступеней напева используются ступени *D, E, G* и *A*, однако финалисы *D* и *A* встретились каждый в одном напеве. Главную роль в песенной традиции играют типовые напевы с финалисами *E* (17 напевов) и *G* (14 напевов).

Из 33 типовых напевов только 5 (1.G.01, 1.G.03, 2.E.01, 3.G.01, 4.E.01) были зафиксированы от разных исполнителей и в 1970-е (или 1980-е), и в 1990-е гг., что говорит об особенностях развития песенной традиции на протяжении трёх десятилетий – об изменении круга используемых (либо же зафиксированных) типовых напевов. С другой стороны, количество образцов 1970–1980-х гг. не так велико, поэтому наши выводы носят скорее предположительный характер.

В синхронном срезе традиции (в коллекциях 1990-х гг.) присутствуют варианты пяти напевов, записанных от нескольких исполнителей (2.G.01, 2.G.02, 3.E.01, 3.E.03, 5.E.01), что свидетельствует об особенностях функционирования типовых напевов внутри социума. На каждом этапе в репертуаре тоджинцев имеются более или менее распространенные типовые напевы. Некоторые из них являются излюбленными и сохраняются, другие возникают и забываются, что, по-видимому, связано с импровизационной природой жанра *кожамык*. Ведь тоджинские песни *ыр*, имеющие стабильную связь текста и напева, на протяжении времени существенно не изменились. Вместе с тем типовая организация структуры (прежде всего, стиха и ритма) и особенности поэтики *кожамык* остаются неизменными на протяжении длительного времени.

Насколько круг типовых напевов является локальным или общераспространённым для тувинской песенной традиции – в настоящее время сказать сложно, так как исследование тувинской песенной традиции в локальном аспекте находится на начальной стадии. Анализируя архивные образцы *кожамык*, записанные в 1970-е гг. в 11 районах Тувы, мы пришли к выводу, что «в среднем около 40 % напевов в каждом районе имеют узколокальное бытование» [Тирон, 2016, с. 42]. Также мы проводили сравнение тоджинской и бай-тайгинской песенных традиций. На имеющемся материале выявилось восемь типовых напевов, используемых в двух локальных традициях, что составляет четвертую часть тоджинских и почти половину бай-тайгинских напевов.

В рассматриваемой традиции существует представление о существовании напевов каждого из тоджинских родов *Ак, Бараан* и *Кол*. В других тувинских традициях эти представления также фиксировались: «практически повсеместно существует представление о “своих” родовых напевах, которые, по твёрдому убеждению исполнителей, различны не только в каждом кожууне, но и у каждого родового объединения» [Сыченко, Тирон, Кан-оол, 2011]. В статье «Проявление оппозиции “свой – чужой” в текстах и напевах тоджинских *кожамык*» мы проанализировали взаимоотношения типовых напевов с родовой принадлежностью исполнителей. Однако наш материал не позволил установить строгую связь рода и напева, это остаётся перспективной задачей, выполнение которой возможно при расширении количества образцов, поиска данных по родам их исполнителей и другой уточняющей информации [Тирон, 2015б].

Итак, тувинцы-тоджинцы поют преимущественно местные народные песни *ыр*, имеющие связь с локальными местностями Тоджинского района. Данные песни осознаются ими и представителями других локальных традиций тувинцев как песни тоджинской этнической общности. Действительно, и в содержании поэтических текстов, и в музыкальном плане эти песни отражают локальную специфику.

ку тоджинской традиционной культуры.

При исполнении *кожамык* носителями традиции используется определённый круг типовых напевов, отличный от других локальных традиций тувинцев. Некоторые напевы фиксируются у тоджинцев на протяжении длительного времени, т. е. сохраняются в традиции. Вероятно, в прошлом существовала система связи напева и рода исполнителя, которая в настоящее время уже не выявляется. Однако представление о родовой принадлежности напевов в обществе сохраняется, что говорит о роли песенной традиции в сохранении родовой и этнической идентичности тоджинцев.

Список литературы

Аксёнов А.К. Тувинская народная музыка. М.: Музыка, 1964. 254 с.

Крупич Е.Л. Этнокультурный контекст песенной традиции тувинцев-тоджинцев // Народная культура Сибири: Материалы XIII науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору (Омск, 27–29 октября 2004 г.) / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2004. С. 96–100.

Кыргыс З.К. Песенная культура тувинского народа. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1992. 142 с.

Сыченко Г.Б., Тирон Е.Л., Кан-оол А.Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 гг.) // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: Сб. докладов. М., Гос. республ. центр рус. фольклора, 2011. Том 3. С. 281–299.

Тирон Е.Л. Особенности стихосложения песен тувинцев-тоджинцев // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 48–55.

Тирон Е.Л. *Бр «Одуген-Тайга»* тувинцев-тоджинцев // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск, 2014. С. 159–165.

Тирон Е.Л. Песни тувинцев-тоджинцев: жанры *ыр* и *кожамык*: Дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2015а. 270 с.

Тирон Е.Л. Проявление оппозиции «свой – чужой» в текстах и напевах тоджинских *кожамык* // Оппозиция «свой – чужой» в языке, фольклоре, литературе, музыке, культуре: Материалы Регион. гуманитарного форума научной молодёжи (11 октября 2014 г.). Новосибирск, 2015б. С. 58–65.

Тирон Е. Л. Типовые напевы *кожамык* тувинцев-тоджинцев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015в. № 31. С. 20–26.

Тирон Е. Л. Локальные особенности тувинских песен *кожамык* (по архивным материалам 1970-х годов) // Вопросы этномузыкознания. 2016. № 14 (1). С. 37–47.

Тирон Е. Л. Источниковая база этномузыковедческого исследования песенной традиции тувинцев Бай-Тайги // Вестник Кемеровского государственного института культуры и искусств. 2017а. № 3. С. 179–186.

Тирон Е. Л. Песенный фольклор тувинцев-тоджинцев: собрание, публикации, исследования // Новые исследования Тувы. 2017б. № 2. С. 254–276.

Тюркские народы Восточной Сибири / Отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев; [сост. Д. А. Функ]; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2008. 422 с. (Народы и культуры).

E. L. Tiron

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
krupich_katja@mail.ru

The role of the song tradition of the Tuvinians-Todzhans in preserving the cultural identity of the ethnic community

The article describes the role of the song tradition in preserving the cultural identity of the Tuvinians-Tojus – one of the indigenous minorities of Siberia. The urgency of the scientific problem is conditioned by the tendency of the extinction of the cultural identity of the minor peoples of Russia, including the Tuvinians-Tojus living in the territory of Siberia. The material for the study is the audio samples of the two main song genres, *yr* and *kozhamyk*, recorded from the 1970s through the 1990s.

Four local folk songs are connected with the local places of the Todzhinskiy district. These songs are perceived by the Tojus and representatives of other local traditions of the Tuvinians as songs of the Tojus ethnic community. In content of poetic texts, and musically, these songs reflect the local specificity of Tojus traditional culture. While performan-

ing the songs the reproduction of steady texts and tunes prevails. The special attitude of the Tojus to the *yr* is also manifested in the manner of singing, suggesting a slow or moderate tempo of performance. Performers sing slowly, in great breath, with an open and loud voice, using a large number of chants of long and short sounds.

Performing a *kozhamyk* the poetic texts are improvised on one of the typical tunes. The mastery of improvisation is owned by almost all the bearers of the tradition, regardless of age and sex. Traditionally, a *kozhamyk* is sung either solo or in a dialogical ensemble. The dialogue is usually built on the basis of sex or tribe. On the material of 100 song samples of the Toju *kozhamyks*, 33 typical tunes were found, based on five syllable-rhythmical types of lines. Over time, the range of typical tunes changes. It is difficult to say if the range of typical tunes is local or common for the Tuvans song tradition at present, since the study of the Tuvans song tradition in the local aspect is at the initial stage. In the past, in the tradition there was a system of relation between the melody and the tribe of performer, which is not currently being revealed. The translation of the idea of the tribal affiliation of tunes speaks for the role of the song tradition in preserving the generic and ethnic identity of the Tojus.

Keywords: song folklore, song tradition, folksongs, cultural identity, Tuva, Tuvinians, Toju, Tuvinians-Tojus, indigenous ethnic group of Siberia, folklore studies, ethnomusicology.

References

- Aksjonov A.K. *Tuvinskaja narodnaja muzyka*. Moscow, Muzyka Publ., 254 p.
- Krupich E.L. Jetnokul'turnyj kontekst pesennoj tradicii tuvincev-todzhincev [Ethnocultural context of song tradition of Tuva-Tojus]. *Narodnaja kul'tura Sibiri: Materialy XIII nauchnogo seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo centra po fol'kloru [National culture of Siberia. Materials of the XIII scientific seminar symposium of the Siberian regional high school center of folklore]*. Omsk, 2004, pp. 96–100.
- Kyrgys Z.K. *Pesennaja kul'tura tuvinskogo naroda [Song culture of the Tuva people]*. Kyzyl, Tuva Publishing House, 1992. 142 p.
- Sychenko G.B., Tiron E.L., Kan-ool A.H. Rezul'taty polevyh i nauchnyh issledovanij Novosibirskoj konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009 gg.) [Results of field and scientific research of the Novosibirsk conservatory in the Republic of Tyva (1997–2009)]. *Ot kongressa k kongressu: Materialy Vtorogo Vserossijskogo kongressa fol'kloristov. Sbornik dokladov [From congress to congress: Materials of the Second All-Russian congress of specialists in folklore. Collection of reports.]*. Moscow, 2011, vol. 3, pp. 281–299.
- Tiron E.L. Osobennosti stihoslozhenija pesen tuvincev-todzhincev [Peculiarities of the versification of the songs of the Tuvinians-Tojus]. *Sibirskij filologičeskij žurnal [Siberian Philological Journal]*. 2013, no. 2, pp. 48–55.
- Tiron E.L. Yr «Odugen-Tajga» tuvincev-todzhincev [Yr «Odugen-taiga» of Tuvinians-Tojus]. *Narodnaja kul'tura Sibiri: Materialy XXII nauchnogo seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo centra po fol'kloru [National culture of Siberia. Materials of the XXII scientific seminar symposium of the Siberian regional high school center of folklore]*. Omsk, 2014, pp. 159–165.
- Tiron E.L. *Pesni tuvintsev-todzhintsev: zhanry yr i kozhamyk: dis. ... kand. iskusstvovedeniya [Songs of the Tuvans-Tojus: genres of yr and kozhiksyk]*. Novosibirsk, 2015. 270 p.
- Tiron E.L. Projavlenie oppozicii «svoj – chuzhoj» v tekstah i napevah todzhinskih kozhamyk [Statement of the opposition "your - alien" in the texts and Tunes of Tojus *kozhamyk*]. *Oppozicija «svoj – chuzhoj» v jazyke, fol'klоре, literature, muzyke, kul'ture: Materialy Regional'nogo gumanitarnogo foruma nauchnoj molodjozhi (11 oktjabrja 2014 g.) [Opposition "your - alien" in language, folklore, literature, music, culture: Materials of the Regional Humanitarian Forum of Scientific Youth (October 11, 2014)]*. Novosibirsk, 2015b, pp. 58–65.
- Tiron E.L. Tipovye napevy kozhamyk tuvincev-todzhincev [Model Tunes of Kozhamyk of the Tuvas-Tojus]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. 2015v, no. 31, pp. 20–26.
- Tiron E.L. Lokal'nye osobennosti tuvinskih pesen kozhamyk (po arkhivnym materialam 1970-kh godov) [Local features of Tuvans songs kozhmykak (on archival materials of the 1970th)]. *Voprosy etnomuzykoznaniia [Questions of ethnomusicology]*. 2016, no. 14 (1), pp. 37–47.
- Tiron E.L. Istočnikovaja baza jetnomuzykovedčeskogo issledovanija pesennoj tradicii tuvincev Baj-Tajgi [The source base for ethnomusicological research of song tradition of the tuvans of Bai-Taiga]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. 2017a, no. 3, pp. 179–186.
- Tiron E.L. Pesennyj fol'klор tuvincev-todzhincev: sobiranie, publikacii, issledovanija [The song folklore of Tozhu Tuvans: collection, publication, research]. *Novye issledovanija Tuvy [The New Research of Tuva]*. 2017b, no. 2, pp. 254–276.
- Tjurkskie narody Vostočnoj Sibiri [the Turkic peoples of Siberia]*. Moscow, Nauka Publ., 2008. 422 p. (Narody i kul'tury [Peoples and cultures]).